Из-за постоянных раздумий о том, как бы поскорей избавиться от трех надоедливых псин, я не могла проводить драгоценное время с Фелом. Распределение времени: день «Феликса», а ночь «Ларри» больше не казалось мне таким уж удачным. В течение дня мне приходилось встречаться со многими людьми, хотела я этого или нет. Как же я скучаю по тихим денькам интроверта!

Ночью в особняке становилась значительно меньше, так что, возможно, Феликсу было бы лучше появляться в темное время суток, но в таком случае я катастрофически не высыпалась бы, проводя время с любимым мужчиной. Но такие мысли вообще не имели смысла, все равно, что скучать по снегу в жару и о тепле в холодный зимний день. Я просто хотела проводить с Фелом весь день, о чем, вероятно, мечтал и сам мужчина.

Каково это - чувствовать, что твое тело не принадлежит тебе полностью? Необходимость доверить половину своей жизнис кем-то другим, тем более с вором, укравшим твои чувства и эмоции, была бы крайне удручающей и пугающей. Поэтому я решила ничего не говорить.

Феликс медленно наклонил свое лицо ближе ко мне, так близко, что у меня перехватило дыхание, а его губы скользнули мимо, как будто собирались коснуться моей щеки. Мужчина подул на свечу на подиуме за моей спиной, погружая нас в непроглядную тьму.

- Ты можешь утешить меня?

Даже потеряв свои эмоции, его голос все еще был наполнен добротой. Его грубые от мозолей ладони настолько мягко и нежно, настолько это вообще было возможно, обхватили мои щеки. Он проводил по коже легкими, как перышко, движениями, будто мог сломать меня в одно мгновение. Его лба коснулось мое теплое дыхание, спустилось в переносице, и, наконец, достигло его губ.

- Нет, не такое утешение. Это беспроигрышный вариант, но…- Прочистив горло легким покашливанием, я продолжила.- Не думаю, что сейчас это уместно. Скоро проснется демон.

- Ах… Точно.

Всякий раз, когда звук дыхания Феликса достигал моего уха, все мое тело почему-то вздрагивало. Я схватила край его рубашки и, притянув к себе, усадила на стул рядом с фортепиано. Мужчина послушно следовал моим движениям, хотя, я более чем уверенна, что мои потуги были словно слону дробина. Пристальный взгляд мага был настолько откровенным, что становилось неловко.

- Айрин, я…- Феликс глубоко вздохнул, проведя языком по пересохшим губам.-… Если возможно, я хочу извлечь демона из своего тела.

В его тоне звучала ненависть. Если бы можно было убивать голосом, то от демона не осталось бы и пепла. Я оглянулась на Феликса, широко раскрыв глаза от удивления. Его голубые глаза, временами казавшиеся дикими, как у зверя, поблескивали в темноте.

Но даже если казалось, что он вот-вот впадет в безумие, мужчина был тих и спокоен. Это была ненависть, такая же неподвижная и обжигающе горячая, как лава, текущая под твердой землей.

- Конечно, ты можешь. Если бы мы только могли найти способ безопасно разделить душу Фела и демона, мы бы сделали это без промедлений.

Не грубо ли чувствовать себя счастливым от того, что вы можете думать о чем-то другом, кроме потери и страха?

- Даже если бы демон любил меня, я бы не смогла ответить взаимностью. Он может оставаться рядом лишь потому, что делит с Фелом одно тело.

Ларри никогда не пытался понять меня, мы даже не разговаривали толком! Вся его любовь исходила от Феликса, и если бы не настоящий хозяин тела, он бы и подумать не смел о чувствах ко мне. Если настанет день, когда меня поставят перед выбором принимать ли его чувства или нет, я отвечу: «Ну и что, что ты любишь меня?».

- Иногда, когда становится действительно тяжело, я выплевываю резкие слова, и могу сделать что-то похуже, чем растоптать душу влюбленного человека.

Я уже сделала это однажды и сказала, что этого больше не повториться, но человеческое сердце нельзя изменить только чьим-то желанием. Как обычный человек, я не знала, как разорвать отношения с ледяным безразличием, да и общение с Феликсом сделало меня еще более эмоциональной.

- Это даст тебе немного душевного спокойствия?

На вопрос, отомстит ли он демону, укравшему его чувства, Феликс промолчал, словно погрузившись в раздумья.

- ...Я не знаю. Не думаю, что это очень приятно.- Произнес он, спустя некоторое время.

Конечно, Феликс никогда не сказал бы что-то вроде: «Демон должен гореть в адском пламени всю оставшуюся жизнь».

- И что?- Спросила я, пока мое сердце сжималось от бешеного ритма.

- Думаю, было бы лучше уничтожить демона, чтобы он мог забыть обо всем, что чувствовал.

Это было не похоже на утверждение, что крысе со сломанной лапкой было бы легче умереть, чем испытывать боль. Скорее, это больше похоже на тот ответ, который он дал, когда лишил жизни наемника, пытавшегося убить его. Но уже видно, что он говорил это не из ненависти. Медленно, очень медленно Феликс понемногу возвращал себе свои эмоции и прежнее «я».

- На самом деле, я согласна. Услышав его слова и плач, я почувствовала себя не очень комфортно.- Сказала я с горькой усмешкой.

Я была зла из-за того, что эти двое делали из меня плохого человека, одновременно погружая в муки совести, что все мои убеждения становились все более мутными и хрупкими. Если бы я, подобно трем высокомерным братьям, откровенно не осознавала своих ошибок, мне было бы куда легче от отсутствия чувства вины.

- Я спрошу тебя еще раз. Тебе нужно утешение?

Глаза, привыкшие к темноте, ясно видели выражение лица Феликса. Он невинно моргнул, вопреки тому, как он вел себя всего несколько минут назад. Однажды, когда я спросила, грустно ли ему, он ответил, что потерял чувство грусти, но чувство потери ужасно раздражает.

- Когда ты теряешь что-то ценное, ты испытываешь чувство потери, и есть поговорка, которая

приравнивает чувство потери к печали.

На самом деле существует несколько философских теорий о человеческих эмоциях, только одной трудно объяснить всю многогранность этой сферы нашей жизни. Эмоции субъективны, и даже печаль будет иметь много составляющих элементов, сплетающихся словно нити вместе.

- Чувство потери… Ты помнишь слезы, которые забрал демон?- Феликс повторил мои слова, но на его лице не отразилось ровным счетом ничего, как будто он и не мог ничего почувствовать.

- Музыкальные инструменты - отличный способ выразить эмоции.

Сказав это, я взяла руку Феликса, спокойно лежащую у него на коленях, и положила ее на клавиши, попутно подложив свою ладонь под его.

- Давай, я буду нажимать на клавиши, чтобы они не сломались.

- Тебе будет больно.

- Фелу просто нужно будет легко давить мне на пальцы.

Феликс нежно погладил тыльную сторону моей ладони, легко сжимая, а затем отпустил. Мои относительно маленькие руки были невидны под его широкой рукой. Немного подумав, я очень медленно сыграла часть «Лунной сонаты» Бетховена. Конечно, я не была музыкальным гением, который мог бы изливать и выражать свои эмоции во время исполнения произведения. Моим достижением уже было то, что я успевала следить за нотами. Но я надеялась, что мужчину это хоть немного успокаивало.

Каждый раз, когда я нажимала на клавишу фортепиано, у него дергались кончики пальцев. Спустя некоторое время, он сжал мои ладони и начал медленно играть самостоятельно. Это было очень медленное, чувственное выступление.

- Что это за композиция?- Спросила я.

- Слезы и утешение.

По какой-то причине мне показалось, что это его любимая мелодия. Пространство заполнили чистые, нежные звуки, трогающие, казалось, самые глубины сердца тревогой и печалью, несмотря на почти беспорядочные движения. Феликс резко прекратил играть.

- На самом деле, это немного сложно.

- Почему?

- Я не знаю, что делать, когда Айрин находится в таком состоянии.

Маленькие капли упали на тыльную сторону его ладони и клавиши. Мужчина поднял взгляд на мое лицо. По лбу катились капли пота, а губы сжались в тонкую полоску от моих усиленных молитв, чтобы мои пальцы остались целы. Силу Феликса нельзя было игнорировать. Я на мгновение опустила взгляд на его пальцы. Один из ногтей был сломан. Проследив за моим взглядом, Феликс быстро отпустил меня и спрятал руку.

- Тебе стыдно?

Когда я спросила, хочет ли он, чтобы я остановилась, он покачал головой.

- Я уже не знаю позволено ли мне что-либо.

- Если ты не знаешь, что делать или как делать, ты должен просто следовать своим желаниям.

- … Делать то, что я хочу?

Пробормотав что-то себе под нос, Феликс посмотрел на меня сверху вниз, сверился с часами на стене, на мгновение выглянул в окно, а затем снова посмотрел на меня.

- Я так не думаю.

О чем ты вообще?

- В конце концов, как я должен делать это по соседству с демоном?

Значит ли это, что ты будешь делать все, что захочешь, без демона? Ларри скоро проснется, так что, как бы ты ни старался, у тебя ничего не получится. Не знаю, что именно он имел ввиду, но я кивнула и сказала, что это не имеет значения.

- Тогда, пожалуйста, зови меня Рин.- Потребовала я, скрестив руки на груди, точно так же, как когда просила Феликса сказать, что я красивая.

- Рин.- Феликс послушно повиновался моим словам и слегка нахмурился, глядя на мое лицо.- Слова Рин не всегда являются решением проблемы. Ты не чувствуешь себя лучше.

Меня немного развеселила его фраза. Ты говоришь, что недоволен, но все еще называешь меня Рин.

- Тогда ты так же скажешь мне, что я симпатичная?

***

Лукас явно был не в лучшем расположении духа. Сам император хотел встретиться с Шейнгом Пивом, главным героем слухов, однако получил в ответ: «На это нет времени из-за напряженной работы». Конечно, это было написано в более вежливой и уважительной формулировке, но в итоге, смысл был именно такой.

Лукас прочитал работу Шейнинга с редким для него вниманием, и с крайне щедрым терпением относился к чувствительному и эксцентричному драматургу. Но так как отказы уже входили в привычку, мужчина все больше и больше терял терпение, потому что, возможно, Пиво был первым, кто дал такой ответ на приказ императора.

- Нет, не первым.

Первой была Клодия, после этого Айрин Эмбер, герцог Ламберг, который явно хотел умереть, Константин, который притворялся одиноким, и теперь кажется, что даже проходящие мимо дворняги игнорировали его. Складывалось впечатление, что пренебрежение стало обычным делом, от чего власть императора пошатнулась. Теперь даже отважные простолюдины игнорировали его.

- Приведи его сюда…

Лукас скомкал в руке письмо и отдал приказ Уолтеру. Герой стоял напротив мужчины настолько бесчувственно, что скорее напоминал дерево, а не человека, на приказ Его

Величества он даже не моргнул, не то чтобы выполнить. Без всякого выражения он поднял свои голубые, похожие на стеклянные бусины, глаза, и посмотрел на Лукаса. Эта картина странно отличалась от той, что мужчина видел раньше, когда герой смотрел на него так, будто огрызался на него без единого звука. Лукас почувствовал легкую нелепость ситуации и нахмурился. В голове невольно всплыл разговор между Бенджамином и Константином, которые утверждали, что Уолтер в последнее время изменился.

- … Что ты стоишь? Ты оглох?

Взгляды двух мужчин на мгновение встретились. Лукас медленно расслабил руку, которую держал, смятый листок бумаги упал на пол и подкатился прямо к ногам героя.

- Подними его.

Немыслимо, чтобы собака, обученная для выполнения грязной работы, не знала своего места. От того, что мужчина так спокойно смотрел прямо в глаза императору, пламя злости все сильнее разгоралось в груди венценосной особы.

- Я же сказал тебе поднять его.

- …

- Ты был таким послушным, как ручная собака, а уже показал свои зубы, что довольно глупо. В конце концов, разве ты не можешь скрыть свое отношение?

Красные глаза Лукаса медленно начали светиться жестоким светом. Ожившее безумие, жаждавшее вырваться наружу и наброситься на какого-нибудь бедолагу, скалилось от предвкушения.

- Ах.

В тот же миг, развалившийся на диване, словно предмет интерьера, Седрик внезапно вздохнул и вмешался. Одним звуком он развеял густое напряжение в воздухе. Немного пришедший в себя Лукас оглянулся на брата с глазами, полными накопившегося в нем гнева.

- Седрик, разве я не император и не могу делать все, что захочу?

Но в беспомощных глазах каждую секунду становилось все меньше злобы. Седрик слегка озадаченно посмотрел на него и махнул рукой.

- Эй, не сердитесь. Я был так поглощен лекарством, что забыл обо всем, но вдруг вспомнил, что собирался сказать Его Величеству.

На самом деле, он даже не принимал никаких наркотиков, но все еще что-то бормотал, положив подбородок на колени, создавая образ, что он был не в себе. Услышав драматичный голос брата, Лукас вздохнул.

- Расскажешь мне позже.

- Вы хотите услышать это сейчас… Неважно, насколько информация бесполезна, я не оставлю вас в покое.

Когда шантажируемое разрешение было получено, Седрик пожал плечами и заговорил.

- Я слышал о Пиве Шейнинге в переулке.

- Переулке?

- Я мимолетом познакомился с театральным чиновником, который пришел, чтобы насладиться тайным хобби, и от него узнал, что Шейнинга тайно спонсировал влиятельный человек.

- Эй, это неплохо.

Лукас знал, что у него были сторонники, не было никакого способа для новичка, который не представил публике ни одной работы, подняться вот так сразу. Но что с того? Разве он не император?

- Ваше Величество, если вы услышите, кто он такой, вы должны понять Шейнинга.- сказал Седрик.

- Так ты утверждаешь, что доверяешь покровителю и игнорируешь меня как императора?

Это был определенный способ сказать, что на имперской земле не может быть никого более великого, чем император. «Социальная норма является правдой, но Лукас был немного особым случаем» пробурчал себе под нос Седрик, пытаясь скрыть свою насмешку.

- Я не знаю, доверяю ли я своему тылу или мне угрожает спонсор.

http://tl.rulate.ru/book/96869/2071700